

ИСТОРИЯ СПАСЕННОГО ПОРТРЕТА

Немногие знают, что произведение великого художника долгое время находилось в Оренбурге

ВЕЧЕРНИЙ ОРЕНБУРГ №7/12 февраля 2004 года

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

Из писем В.А. Перовского, хранящихся в Пушкинском доме, видно, что с Карлом Брюлловым, как и с Александром, он подружился в 1824 году в Риме. Хорошо понимая живопись, он умел оценить огромный талант молодого художника и искренне радовался его успехам. В свое письмо к Александру Брюллову, отправленное в Неаполь из Рима, где Перовский останавливался на обратном пути в Россию, он вложил собственноручно скопированное им предписание, которое Карл получил в это время из Петербурга. Председатель Общества поощрения художников П.А. Кикин писал, что, будучи «совершенно доволен» работой Карла Брюллова, оно продолжит полу-

чаемый им «пансион» и отсрочит ему возвращение в Россию «на такое время, какое нужно будет для произведения оригинальной картины». Общество выражало уверенность, что, «имея перед глазами образцы превосходные», прежде всего «Сикстинскую мадонну», Брюллов сможет «выситься до Рафаэля и занять у него то, что составляет отличительное достоинство сего божественного творения: величие и изящнейший стиль».

«Теперь, — писал Кикин, — когда вы будете иметь случай войти в дух Рафаэля совершенно и когда познакомитесь ближе с красотой его произведения, вы, конечно, изберете для себя пути, ведущие к истинному совершенству». Выражая желание Общества, чтобы Брюллов создал «хотя одну значащую картину», председатель был уверен в успехе: «Вы без сомнения оригинальным произведением Вашим сделаете себе честь и, возвратясь в отечество, приобретете уважение Общества и любителей просвещенных... Признательность и уважение к вам будут наградою трудов ваших».

Весьма полезным для Карла было названо полученное им от российского посольства в Риме поручение — скопировать «Афинскую школу» Рафаэля. Общество, как говорилось в письме, «в полной уверенности, что вы приложите все старание, дабы передать в копии сей красоты подлинника и тем сделаете услугу вашему отечеству, разрешает вам заняться сим делом безотлагательно».

Письмо заключалось словами: «Общество, продолжая вам пансион, надеется, что время, которое будет дано вам для вашего усовершенствования, вы употребите с совершенною пользою для себя, и уверяет вас в неизменном своем к вам внимании и покровительстве... Уведомление о вас самые приятнейшие радуют Обществу, и оно находит большое удовольствие в том, что первый выбор его пал на вас и вашего брата».

Перовский, сообщив Александру об этом в высшей степени благожелательном послании петербургских покровителей, пишет: «У брата видел я прекрасную неоконченную картину для Львова — «Арминия, приходящая к пастухам». Две картины костюмов (масляные же) для Нессельроди — восхитительны... На днях начал он «Афинскую школу». Своим отношением к братьям Брюлловым он, обращаясь к Александру, выражает восторженно: «Словом, и ты, и он такие ребята, что мне жаль, что я не отец ваш или, по крайней мере, не Общество».

Карл Брюллов оправдал все возлагавшиеся на него надежды. Его работы

пользовались неизменным успехом. В 1828 году журнал «Отечественные записки», извещая читателей о годичном собрании Общества поощрения художников, писал, что «главнейшими его действиями, на пользу отечественных художеств устремленными», можно считать «пособия для образования в Италии знаменитых художников наших Брюлловых». В подтверждение этого сообщалось:

«Ныне с удовольствием узнали мы, что Карл Брюллов кончил уже копию с «Афинской школы», которая признана знатоками и художниками римскими лучшей копией, сделанной доселе с сего знаменитого творения Рафаэля, ибо Брюллов в ней не только сохранил все красоты подлинника, но отыскал, или лучше сказать, разгадал и то, что похитило у него время».

В 1833 году Карл Брюллов закончил свою «значащую» картину — «Последний день Помпеи», в которой проявились весь его талант и мастерство. Она написана под влиянием тех же чувств, которыми были проникнуты письма В.А. Перовского после посещения им вместе с Александром Брюлловым помпейских развалин в 1824 году. Хотя Карл увидел их впервые только три года спустя, сюжет картины, видимо, благодаря очарованному Помпеями брату, к тому времени у него уже оформился.

Картина сразу принесла ее автору европейскую славу. Своим почетным членом Брюллова избрали Академии художеств Милана, Флоренции, Болоньи и Пармы.

Летом 1834 года картина «Последний день Помпеи» прибыла в Петербург. Приобретенная А.Н. Демидовым, она была преподнесена им Николаю I и заняла место в Эрмитаже.

Сам Карл Брюллов вернулся в Россию в 1835 году.

Зимой 1836-1837 года в столице К.П. Брюллов встретился с В.А. Перовским, приехавшим из Оренбурга в командиров-

ку. Их старая дружба возобновилась и оставалась неизменной до самого отъезда заболевшего художника в 1849 году в Италию, где он вскоре скончался. Как вспоминает их современник, «Брюллов любил Перовского и никогда ни в чем ему не отказывал». Поэтому Василию Алексеевичу удавалось приобретать для своей коллекции высоко ценившиеся работы мастера, среди которых был, например, портрет И.А. Крылова.

К.П. Брюллов написал три портрета В.А. Перовского. Из них широко известен поясной портрет, выполненный в 1837 году и хранящийся сейчас в Государственной Третьяковской галерее. Репродукция с него украшает обложку вышедшей в 1999 году в Оренбургском книжном издательстве книги «Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский». Копия с этого портрета, выполненная неизвестным художником, находится в Оренбургском музее изобразительных искусств.

Третьяковской галерее принадлежит и другой портрет В.А. Перовского, на котором он изображен во весь рост, в мундире атамана Оренбургского казачьего войска, на степном фоне и с конем на втором плане, которого с трудом удерживает казак. Этот портрет был написан Брюлловым также в 1837 году по заказу Николая I и помещался сначала в Зимнем дворце, а затем в Эрмитаже.

Племянник Перовского, художник Л.М. Жемчужников, вспоминал: «Днем в большой гостиной я любил смотреть на портрет дяди моего Василия Алексеевича Перовского, изображенного во весь рост в атаманском казачьем мундире, в степи, на его серую лошадь и казака. Портрет этот подписан К. Брюлловым».

Но вряд ли многие знают, что это произведение великого художника в свое время долго находилось в Оренбурге. Свидетельство тому мы находим в оренбургских газетах 1901 года, опубликовавших две посвященные ему статьи.

Первая из них, принадлежащая известному краеведу С.Н. Севастьянову и появившаяся в «Оренбургской газете» за 2 ноября, заглавлена «Портрет оренбургского генерал-губернатора графа Василия Алексеевича Перовского». В ней говорится, что в столичной газете «Новое время» появилась заметка «Забывший портрет», где описан находящийся в приемной оренбургского губернатора портрет В.А. Перовского, в правом нижнем углу которого имеется подпись: «К. Брюллов». Высказывая опасение, что в частной квартире портрет легко может повредиться и погибнуть, автор заметки полагает, что он должен быть передан в Музей Александра III (теперь Государственный Русский музей).

Утверждая, что это невозможно, С.Н. Севастьянов приводит историю появления портрета в Оренбурге. Оказывается, 14 февраля 1883 года наказной атаман Оренбургского казачьего войска М.И. Астафьев послал телеграфом ходатайство о передаче в Оренбург портрета Перов-

кого, который предполагалось повесить в приемной зале наказного атамана или в войсковом штабе. В ответной телеграмме от 24 марта сообщалось, что 15 февраля император пожаловал портрет Оренбургскому казачьему войску. В Оренбург он был доставлен в октябре «при отзыве директора Императорского Эрмитажа от 13 октября 1883 года за № 434».

Севастьянов пишет: «Такова история передачи портрета графа Перовского Оренбургскому казачьему войску. Из приведенных данных само собою вытекает, что портрет Перовского ни в коем случае не может быть передан в Музей императора Александра III без особого на то ходатайства войскового начальства и по воспоследовании Высочайшего соизволения на удовлетворение сего ходатайства; чего, конечно, ожидать едва ли возможно, так как это противоречило бы ходатайству, выраженному в телеграмме войскового атамана от 14 февраля 1883 года».

По мнению Севастьянова, собственно-ручная подпись К. Брюллова, которая якобы «едва уже заметна», и в столичном музее «подвергнется тому же неумолимому закону времени». Утверждение же о толстом слое копоти от печки, покрывшем картину, как он считает, не имеет под собой никаких оснований.

Вторая статья на эту тему, написанная другим местным краеведом П.А. Юдиным, автором исследования «Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае», была опубликована в газете «Оренбургский листок» 2 декабря 1901 года. В ней излагается история создания портрета и передачи его в Оренбург, причем автор допускает ряд явных неточностей. Он утверждает, например, что портрет был написан в 1841 году, после Хивинского похода, а это неверно. Далее он пишет, что из Зимнего дворца портрет был удален по личному распоряжению Александра III «после несчастного случая, когда в заговоре против правительства была замешана Софья Перовская», которую Юдин считает «дочерью бывшего министра», т.е. Льва Алексеевича Перовского, и племянницей Василия Алексеевича, тогда как она приходилась внучкой их старшему брату Николаю. Непонятно также, откуда автор заимствовал красочные подробности описываемых им эпизодов.

Однако относительно принадлежности портрета Перовского Оренбургскому казачьему войску у П.А. Юдина, как и у С.Н. Севастьянова, сомнений не было. Таким образом, следует думать, что и после 1901 года он оставался в Оренбурге. Вопрос о дальнейшей его судьбе, возможно, и не возник бы, если бы не случайно попавшаяся на глаза вырезка из газеты «Пионерская правда» от 29 июня 1954 года. В статье, озаглавленной «Вторая жизнь картин», заведующий отделом реставрации Третьяковской галереи М.Ф. Иванов-Чурнов рассказывал школьникам о работе по спасению поврежденных произведений живописи. Объяснив, что «время, недостаточные прочные краски, неправильное хранение, а иногда и несчастные случаи вредят некоторым картинам, портят их», он привел пример из своей недавней практики.

«К нам в отдел реставрации, — пишет Иванов-Чурнов, — принесли портрет героя Бородинской битвы 1812 года В.А. Перовского работы великого русского художника К. Брюллова. На снимке вы видите, в каком состоянии была эта картина». На приведенной здесь же фотографии — почерневшее, изуродованное трещинами и царапинами полотно, в котором с трудом угадывается знакомый портрет.

«Казалось, — продолжает автор, — что произведение художника погибло безвозвратно. Но не так думали мы, реставраторы». Далее после описания всех стадий проделанной работы предлагается фотография картины после реставрации. Она выглядит точно так же, как и на старинных репродукциях. Сейчас зрителю, увидевшему прекрасный портрет В.А. Перовского на выставке произведений К.П. Брюллова, невозможно поверить, что он существует только благодаря чуду, которое совершили художники-реставраторы.

Хотелось бы знать, каким образом попал в их золотые руки многострадальный портрет, где он находился до тех пор, и какой «несчастный случай» довелось ему пережить.

ОРЕНБУРГСКАЯ СТАРИНА